

Юлиус Эвола

ИМПЕРИЯ И ДЕРЖАВА КАК ЭЛЕМЕНТЫ НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОРЯДКА

Всякий, кто пожелал бы подвести существенные предварительные итоги, проявляющие революционную событийность текущей войны, и которые, кажется, сложились благодаря имманентной природе вещей и событий, а не заранее принятому решению людей, был бы вынужден признать следующее:

1. Представление о политическом суверенитете, свойственное периоду, который непосредственно предшествовал нынешнему, оказалось в кризисе, и требует основательного пересмотра. Раздел поверхности земли на элементарные, полностью независимые и строго регламентируемые государственными границами участки противостоит идее ее раздела на пространства, охваченные этническими группами и особыми политическими образованиями на основе подлинных, органичных связей.

2. В этой же связи прежний (а именно: формалистский и позитивистский) взгляд западного толка на международное право теряет свою силу. На место абстрактных принципов, которые при абсолютном безучастии к различным возможностям, влиянию и достоинству народов претендуют на равную действенность в любом государстве, приходит идея многоуровневого «наднационального» права. При этом «наднациональный» следует понимать не в размытом и

универсалистском, но в органичном смысле, а именно: в тесной связи с определенными воззрениями, которые лягут в основу каждой новой, охватывающей несколько наций территории.

3. Что касается таких наднациональных образований, то сегодня стали популярны обозначения «великое пространство» или «жизненное пространство», которые нам представляются не вполне точными, ибо тем самым подчеркивается преимущественно материальная сторона вопроса. Мы придерживаемся того мнения, что цель теперешней войны не только «смена караула» в системе европейского империализма и экономических гегемоний. Высший и поистине революционный смысл этой войны вряд ли будет воспринят теми, кто не видит в ней порыва к преодолению империализма как чисто материалистической идеологии господства с целью обоснования права на «жизненные пространства», на которое претендуют некоторые народы – наши народы – в отличие от наций, настроенных на плутократию и коллективизм, – это требование соответствует подлинно державному мышлению, которое в соответствии с его традиционным восприятием всегда опиралось на духовный факт и высшее право господина.

4. Политическая ситуация, реально сложившаяся в Европе, позволяет нам констатировать завершение в этом процессе лишь этапа постепенного формирования «имперских образований» вокруг народов оси. Основная проблема нового порядка, необходимость наведения которого диктует нам наша победа, в переходе от «имперских образований» к «имперским целостностям» или имперским организмам.

5. Здесь необходимо учитывать три момента: момент экономического взаимодополнения народов, которое смогло бы решить вопрос жизненных пространств в их первоначальном материальном смысле, этнический и расовый момент, и момент культурного единства.

6. Что в принципе последний элемент является решающим, следует уже из того факта, что не может идти речь о подлинном организме, в котором отсутствует живое единство. Такого рода единство не может вытекать из хозяйственно-управленческой или формально-правовой системы; также оно было бы проблематичным на уровне лишь национального в природном смысле, потому что на этом уровне приходится всегда считаться с властью частично обусловленных аффектов отдельных народов. Лишь на уровне духовного и в подлинном единстве культур следует искать тот реагент, который на новых имперских пространствах смог бы подтолкнуть имперские образования к формированию подлинных имперских целостностей, которые сами по себе явились бы достаточной гарантией для сохранения нового порядка. Когда в связи с задачами нового порядка речь заходит о культуре, то начинать надо с основательной ревизии самого понятия

культуры, которое стало господствующим в новое время – в особенности начиная с эпохи Просвещения и Французской революции. Существует культура, которая, с одной стороны, опирается на гуманистическое искусство и опошленную науку, с другой же, неотделима от рационализма и механицизма, и которая придает техническим и социальным достижениям призрачность неоспоримого превосходства. Такая культура безлика, она по сути интернациональна, безымянна и неорганична, т.е. она не в силах каким бы ни было образом создать предпосылки для иерархического и благоустроенного порядка народов.

В противоположность такому определению культуры можно было бы акцентировать героические, аристократические и даже «сакральные» ценности: в строительстве новых держав народов следовало бы опираться прежде всего на них. Сегодняшняя ситуация в этом смысле неблагоприятна, именно из-за нарастания и общего распространения иной культуры – интернационалистической, гуманистической и механистической – упомянутые ценности оказываются ослаблены и рассеяны. Заново собрать их в новых центрах кристаллизации, которые, в свою очередь, послужили бы душой и связующим материалом новых наднациональных формирований – вот задача, вся сложность которой должна быть нам очевидна. Не осмелюсь в сегодняшней Европе указать на идею, которая была бы уже достаточно полной, живой и господствующей, чтобы стать фундаментом того высокого здания, о необходимости восстановления которого мы говорим. В гораздо большей степени необходимо действие по взаимному дополнению, а также пробуждению и всемерному укреплению сторон. Мы уже приближаемся к мысли о новой европейской культуре – новой «европейской идеологии»: все же ее элементы, если умолчать о политической и социальной стороне, еще не полностью определены.

Так как революционное действие в Европе уже начато усилиями стран оси, будет вполне естественным, если возможности и духовный потенциал обеих держав оси лягут в основу первичного и существенного ядра европейской культуры. Во-первых, предусловием каждого дальнейшего шага и каждого нового присоединения народов должно стать детальное определение формы, в рамках которой – исходя из новой европейской идеологии – римская (а для нас «фашистский, итальянский» и «римский» – это синонимы) и германская составляющие дополняют друг друга. В этом смысле история полна аналогий: вырисовывается тенденция, сходная с той, которая породила последний настоящий – средиземноморской – тип имперской культуры, формообразующим для которого стал в существенной степени именно германский и римский элемент.

Какую функцию и в каком смысле эти элементы могли бы выполнять в будущей культуре «имперских» пространств? Характер их прежнего воздействия в средневековом мире прекрасно известен. Германский или нордически-германский элемент сказывался в основном в ленной культуре и в соответствующей этике; римский элемент, хотя он выступал тогда не в безупречной связке с христианским вероисповеданием, предлагал вневременные и трансцендентные точки опоры не только для национального типа политического порядка народов. После того, как мы вскрыли этот пункт, рассмотрим специфические политические идеи, свойственные сегодня Германии и Италии, с тем, чтобы прояснить те их аспекты, которые могут быть приняты в качестве предпосылок нового культурного типа. Эта сторона вопроса может быть лишь затронута. В национал-социализме лозунг «один народ, одно государство, один вождь» всегда играл особую роль. События последнего времени равно как и те задачи, которые поставит перед нами будущее, выходят за его рамки. Упомянутый немецкий лозунг был обусловлен особой международной ситуацией: объединение одного народа в единое государство под водительством одного вождя могло быть важным идеологическим инструментом до тех пор, пока часть немцев проживала за пределами этого государства, границы которого были продиктованы версальскими соглашениями. Что касается задач европейского будущего, то речь идет об ином, может быть даже полностью противоположном: речь идет о необходимости понять, как узаконить авторитет и влияние державы на различные народы, включенные в единое имперское пространство. Этот вопрос подводит нас к пересмотру еще одной формулы, в которой некоторые авторы хотели бы видеть водораздел между фашизмом и национал-социализмом. Мы подразумеваем идею народного сообщества и легитимизации народом государства и института вождя. Фашизм, напротив, склонен рассматривать народ и нацию как нечто абстрактное до тех пор, пока можно отказаться от формообразующей и вышестоящей функции государства и вождизма. Конечно, государство при этом не представляет наглядно никакой юридической функции, оно не низведено до бездушного механизма власти, в гораздо большей степени оно осознается как авторитарный орган элиты (или ордена), в котором народ – больше, чем где бы то ни было – выявляется истинно, живо, созидательно и самоуверенно. И хотя государство и народ в фашизме связаны органично и почти неразделимо, все же мы стремимся предоставить институту вождя определенную независимость и собственное посвящение. Мысль об ордене (или: государственная мысль об ордене) – это та область, в которой идеологии фашизма и национал-социализма снова встречаются. Правомочность, которой обладает национал-социалистическая формула внутри мононационального государства, остается неоспоримой. Но когда под вопросом оказываются понятия политического руководства и авторитета, в этот момент, который должен быть опорной точкой не только национального, но и наднационального имперского пространства, по нашему мнению, должно осуществляться действие, направленное на опреде-

ленное усиление прежней национал-социалистической формулы, которая была обусловлена уже упомянутой обстановкой в Европе. Авторитет, правомочность которого определена исключительно одним народом, будет воспринят за пределами этого народа как чистое насилие. Это могло бы быть иначе, если бы между народом и той властью, которую он руками государства и элиты оформляет и исполняет сверху, имелась дистанция. Можно представить себе развитие, в итоге которого эта вышестоящая ведущая власть настолько усилена и известна, что ее естественным образом признают и вне пределов народа, в среде которого она первоначально заявила о себе и осуществилась.

Подобное наднациональное значение державной мысли мы находим, кстати, уже в ранней немецкой традиции. Акцентирование одного из ее частных толкований можно приписать случайному стечению обстоятельств, которые наконец преодолены, так что ее надлежащему восстановлению ничего не препятствует. Не так давно Штединггом было эффективно подчеркнута особое значение этой мысли в переломные моменты и по отношению к «болезням европейской культуры». Но в рассматриваемой идее державы вновь активизировавшийся римский элемент проявил себя в той же степени, что и германский, и в этой связи нам должна быть понятна та роль, которую и римский элемент может играть в новой европейской мысли. Пусть нам и известны те предрассудки, которые муссируются в определенных кругах по отношению к нему, они все же по большей части опираются на однобокие аналогии. К примеру, подлинное римское право часто путают с правом, которое правильней было бы назвать наполеоновским, и которому нанесли ущерб универсализм и нормативизм, означавшие в органичной структуре раннего «имперского пространства» Рима проявления упадка. Равно ошибочным является и прямое отождествление всего римского и католической церкви. Следует непременно признать, что она содействовала формированию имперской культуры средних веков. Но необходимо понимать, о каком католицизме тогда шла речь. Подлинное римское право не было всеобщим в современном рационалистическом и просветительско-масонском смысле, это была форма хорошо определенного имперского пространства или державы, которые имели в основании хорошо определенный культурный и человеческий идеал. Католицизм средних веков тоже был обращен к христианству, которое отождествляло себя преимущественно с сообществом европейских наций арийского происхождения. Это сообщество представляло собой органичный боевой отряд, в котором этика верности и чести пользовалась большим уважением, чем добродетель аскезы и всеобщего человеческого братания. Роль, которую играла тогда антиеврейская мысль, тоже известна. Если мы будем придерживаться такого католицизма периода его мужественного проявления, то различим в нем ценности, которые не обязательно противоречат арийско-римскому и арийско-германскому идеалу. Нужно помнить, что для многих народов Европы католицизм означает наследие многих веков, которое просто так, без разрушительных

последствий, не выкинешь за борт. В этом отношении подходящее определение правильного и отбор скорее приведут к подлинной и общей цели, чем безогляд-ное отрицание. Высказывание Муссолини, вызвавшее в свое время возмущение в широких кругах, гласит: «Без Рима христианство, возможно, осталось бы одной из сект, которыми кишит Палестина». В этих словах есть указание и католическим странам – именно в католицизме заново открывать и подчеркивать то арийское и римское, что он содержит вопреки всему, тем самым делая шаг навстречу символам и идеалам, которые иные европейские народы в состоянии творить – без обращения к католицизму и христианству – основываясь на своих арийских традициях. Как бы то ни было, решающим есть ясное понимание того, что и новому порядку потребуется точка опоры, подобная той, которую – вопреки компромиссу с католицизмом – в формировании европейской культуры средних веков представлял римский элемент. Если империализм, это система власти, в которой одна из частей навязывает себя остальным составляющим, которые она эксплуатирует и направляет, тогда держава или вождистская империя и обозначают высшую справедливость *unum, quod non est pars* (того, что не является частью).

Обратимся к той роли, которую, по нашему мнению, германская составляющая могла бы сыграть вместе с собственно римским элементом в формировании духовного центра новых имперских пространств и соответствующих держав. Мы говорили, что в средние века эта составляющая проявлялась в основном в ленной культуре. Сегодня аналогичным образом ее воздействие может быть удвоено: управленчески в плане частичной децентрализации, дробления и иерархизации политических и территориальных аспектов верховной власти; духовно и этически в определении ясных и персонифицированных зависимостей между подчиненными и подлинно ответственными руководящего звена. Для этого было бы достаточно осознать весьма популярную сегодня формулировку «вождь и свита» в ее глубинном, первоначальном смысле. И вправду, по-другому структуру новых имперских организмов можно вряд ли представить: она основана на своего рода ленной системе с центральным органом верховной власти и рядом органов верховной власти с ограниченными полномочиями. Здесь, кстати, можно обратить внимание на то, что уже принятая схема протекторатов отражает все ту же мысль: феодальное обязательство рождалось из подчинения и верности одной стороны, чему соответствовала защита другой. Отношения королевств Хорватии и Черногории с итальянской монархией – выражение той же идеи. Этот принцип наполняется позитивным, созидающим содержанием лишь при условии нового нормального состояния, в котором спокойное, ясное и достойное ощущение национального приходит на смену ожесточению, злокачественности и нетерпению национализма. В этом состоянии станет вновь очевидным, что подчинение имеется как в отношении народа, так и в отношении слоя или отдельного его представителя, которое не является поводом к унижению или

дискредитированию, но причиной гордости, потому что оно делает возможным участие в высшей культуре и миссии, и обязывает вышестоящих по отношению к подчиненным.

Но поскольку речь идет о европейских народах, не следует понимать выражение «вышестоящий» и «подчиненный» в абсолютном значении слова. В этом отношении существует возможность применить на деле расовый аспект с тем, чтобы по возможности нивелировать субстанцию, имеющуюся в наличии в каждом имперском пространстве, и обеспечить сегментацию, опирающуюся на по-разному выраженные нюансы, а не на фактически имеющиеся качественные различия. Чтобы основательно заняться этой проблемой, необходимо понять ее неотделимость от проблемы внутри-расового отбора. Здесь отметим следующее: всякий, кто сегодня говорит о расе, подразумевая более или менее прямо общий доминирующий в определенной нации тип (а это именно тот случай, когда используются выражения «немецкая» или «итальянская» или «славянская» и проч. раса), не может соотносить свое высказывание с первичными расовыми элементами в чистом виде, но лишь с имеющимися народными, в большей или меньшей степени сохраняющимися составными частями. В этих составляющих частях в разной степени представлены черты многих рас, и было бы сложно обозначить какой-либо народ Европы, в котором до определенной степени не была бы представлена одна из европейских рас, выявленных научной [расологией](#). Вот почему требование учитывать расовый момент при определении имперских пространств должно быть понято правильно. Определяющим в этом отношении не может быть процентная составляющая наличия той или иной расы в том или ином народе, но выявление той расы, которая играет или сыграла в народе ведущую роль, сообщив ему его отличительные черты. Так мы окажемся в мире потенциалов, динамических связей и духовных влияний.

Основное условие органичного формирования имперских пространств заключается в особом акцентировании и ведущей функции тех расовых и духовных элементов, которые в пределах народов, населяющих отдельно взятое великое пространство, родственны элементам, в большой степени представленным в собственно имперской нации. Если оба полюса этой оси и есть полюса обоих крупнейших европейских державных образований, следовало бы эту субстанцию, которая, так сказать, предназначена по причине расового родства служить в качестве связующего звена, соотносить с арийски-римским и, с другой стороны, с нордически-германским элементом, при том, что оба эти элемента, в свою очередь, следует рассматривать как две ветви первоначально одного общего древа. Значение и специфическое содержание этих терминов мы уже обсудили. Заметим лишь, что мы отклоняем в свое время весьма популярные выражения типа «латинские народы» и «латинское братство» равно как и подобные им – сам Муссолини в этой связи говорил о «братстве незаконнорожденных», инте-

ресно и то, что в Италии существует официальное распоряжение, в соответствии с которым в текстах для юношества следует вместо слова «латинский» использовать слово «римский». И вправду, в слове «латинский» есть что-то подозрительное, если оно что-то и значит, то это значение – внешний лоск, за которым скрыта смешанная расовая субстанция, ослабленная и подорванная духовным и политическим распадом. Поистине культурно-созидательная мощь наших истоков не «латинская», она попросту римская и арийско-римская: точно так же, как для народов нордического культурного круга она попросту нордическая или нордически-германская. Это по меньшей мере, пока на повестке дня аспекты культуры, которые нас лишь и интересуют, и которые мы рассматриваем как солидный фундамент европейского восстановления и нового порядка.

Теперь следовало бы рассмотреть скрытые свойства различных европейских народов в плане их возможного примыкания к одному из упомянутых выше полюсов. Подобный анализ, учитывая сегодняшнее положение вещей – все еще динамичное и бурное, – был бы преждевременным. Многие процессы еще идут полным ходом. Можно говорить об испытании огнем как призваний, так и различных государственных образований, которое еще не завершено. Кажется, будто воля судьбы в том, чтобы европейское обновление осуществлялось не изнутри, но благодаря изломам и трагическим переменам, причина которых – власть вещей и оружия; и лишь время покажет, действительно пришли ли на смену поверхностным силам глубинные, и что они из себя представляют. Эти великие события будут иметь позитивный итог, если тем или иным образом эти силы сохранят толику той созидательной мощи, которая вызвала к жизни средневековое сообщество арийских наций. Это относится ко всем современным народам Старого света, не исключая и те из них, которые римско-германское средневековье на собственном опыте не узнали, у которых доминирующей является славянская составляющая, и которые находились и находятся под знаком греко-православной веры. И вправду, этой вере свойственна – согласно некоторым взглядам – убежденность в том, что преодоление раскола между духовным и политическим осуществимо меньшей кровью, чем в прочих конфессиях Старого света. Восприятие экуменической идеи этой веры дает основание для органичного идеала национальной жизни как единства рода и религии, живых и мертвых, закона божьего – идеал, который во многом созвучен с тем, к чему стремится духовный авангард наших революций, и который имеет много общего с традицией третьего члена стран оси – Японией. Помимо Румынии, которая на нашей стороне, в будущие имперские пространства оси могли бы таким образом органично влиться также и славянские, и греко-православные народы. Условием этого было бы их возвращение к собственным глубинным корням и традициям, отказ славян от маски большевистского безумия или фарисейской, внешне якобы демократичной, но по сути чисто имперской идеологии, пользуясь которой, наш противник ввел в заблуждения столько наций...

В новой иерархической германской и римской идеологии Европы и эти народы смогли бы найти истинную задачу для приложения своих лучших сил, равно как и фундамент для упорядоченного и гармоничного развития – под знаком и под защитой высшей культуры, которая их умеет уважать и защищать.

Перевод с немецкого: Петр Кузьмичев

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).